

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ЦЕНТР ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ**

**ЛОКАЛЬНЫЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ
И ТРАДИЦИИ
ИСТОРИОПИСАНИЯ**

**Москва
2011**

**«ТЕОРИЯ КАЗНЕЙ БОЖЬИХ»:
ОТ НАЧАЛЬНОГО СВОДА
К ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ**

Специалисты хорошо знают, что работа древнерусских летописцев не ограничивалась составлением очередных годовых статей. Напротив, летописные тексты не только обогащались сведениями о текущих событиях, но и подвергались ретроспективной редакторской правке, приобретавшей иной раз весьма радикальный характер. Установить причины, вызвавшие к жизни очередную переработку, – ключевая задача исследования каждого летописного свода. Но не менее важно развивать наши представления о спектре возможных причин.

А.А. Шахматов считал, что этот спектр практически исчерпывается соображениями политического свойства. «Из позднейших летописных сводов XII – XIII вв. мы можем составить представление о том, как пристрастно они освещали современные события: рукой летописца управлял в большинстве случаев не высокий идеал далекого от жизни и мирской суеты благочестивого отшельника, умеющего дать правдивую оценку событиям, развертывающимся вокруг него, и лицам, руководящим этими событиями, – оценку религиозного мыслителя, чающего водворения Царствия Божия в земельной юдоли, – рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы; если летописец был монахом, то тем большую свободу он давал своей пристрастной оценке, когда она совпадала с интересами родной обители и печерского стада, ее населявшего», – писал ученый в 1916 г. в предисловии к своей реконструкции Повести временных лет. Далее

А.А. Шахматов оговаривался, что «высокие подвижнические идеалы» печерских иноков XI в. «не так легко мирились с раболепием и угодничеством перед сильными мира», как это происходило в дальнейшем. Однако «в конце концов», заключал исследователь, «упорство обители склонилось перед властью князя»¹. За радикальной переработкой летописи Нестором А.А. Шахматову виделся политический заказ со стороны Святополка Изяславича, а ее предполагаемое редактирование Сильвестром и неизвестным книжником из круга Мстислава Владимировича воспринималось, прежде всего, сквозь призму противоборства разных ветвей княжеского рода². Некоторые последователи (Д.С. Лихачев) упрекали знаменитого ученого в узости взглядов, в том, что, сводя факторы эволюции летописи к противоборству отдельных личностей, он не увидел социальных изменений, продиктованных логикой развития раннедревнерусского общества³. Однако «расширенная» социологическая трактовка многих изменений летописного текста тоже не представляется убедительной.

Так, трудно представить, чьи политические интересы могут стоять за существенным расширением в начале XII в. вступительной части летописного рассказа, особенно за вставкой таких фрагментов как, например, история об обрах⁴. Еще сложнее понять,

¹ Шахматов А.А. Повесть временных лет // Шахматов А.А. История русского летописания. СПб., 2003. Т. 1. Кн. 2. С. 537–538.

² Там же. С. 538–539.

³ Лихачев Д.С. «Повесть временных лет»: (Историко-литературный очерк) // Повесть временных лет / под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1996. С. 294–296.

⁴ Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. 1. СПб.

какие социальные процессы стоят за дополнением статьи 6454 (946) г. рассказом о сожжении Ольгой Искоростеня (1: 58–59). Судя по всему, давление превходящих обстоятельств было лишь одной из множества причин, заставлявших летописцев вмешиваться в доставшийся им от предшественников текст.

Неполитические мотивы многих поправок лежат на поверхности. Скажем, превращая Олега из соратника князя Игоря (3: 107) в опекуна-регента при малолетнем наследнике (1: 22–24, 29–32 и др.), составитель Повести временных лет заботился, скорее всего, об элементарном правдоподобию: в противном случае пришлось бы либо отказываться от установленных им же дат призвания варягов (862 г.) и захвата Киева (882 г.), либо соглашаться с тем, что Игорь женился на Ольге (903 г., ср. 38: 19) в возрасте лет сорока (если не пятидесяти), а единственного известного потомка – Святослава – произвел на свет ни в восьмом десятке⁵. Результат манипуляций (свадьба в двадцать с небольшим, рождение сына после шестидесяти) тоже не безупречен, и не позволил избежать ни повтора сюжетной схемы (Олег – регент при малолетнем Игоре; Ольга – регентша при столь же юном Святославе), ни даже трехкратного употребления одной и той же характеристики возраста⁶, однако

11-12. Далее все ссылки на тома этого издания приводятся непосредственно в тексте, в круглых скобках, при чем цифра до двоеточия обозначает том, а цифры после – страницу или столбец (в зависимости от принятой в данном томе пагинации).

⁵ Во время похода на Искоростень Святослав «бѣ <... дѣтескъ», мог сидеть на коне, но не мог держать копье (1: 58), т.е. ему явно не исполнилось и десяти.

⁶ Первые два раза прилагательное *дѣтескъ* употребляется при обозначении возраста Игоря (1: 22, 23).

определенный прогресс налицо. Но есть в истории Повести и предшествующих ей сводов XI в. такие изменения текста, при объяснении которых обычная бытовая логика не срабатывает.

В числе подобных правок – вставка Поучения о казнях Божиих в статью 6576 (1068) г. О том, что в первой версии указанной статьи Поучения не было, писал еще А.А. Шахматов⁷, и хотя аргументация ученого приемлема лишь с оговорками⁸, с общим выводом его рассуждений нельзя не согласиться. Первая после предполагаемой вставки фраза содержит усилительную частицу *же*: «Изяславу *же* со Всеволодомъ Киеву побѣгшю, а Святославу Чернигову, и людьє Киевстии прибѣгоша Киеву и створиша вѣче на торговици, и рѣша, пославшєся ко князю: “Се половци росулися по земли. Даи, княже, оружье и кони, и еще бьемся с ними”» (1: 170). Это нормально для последовательного развития текста (особенно если в предыдущем предложении было другое подлежащее), но едва ли уместно в начале очередного структурного раздела, где обсуждаемая фраза находится теперь. Очевидно, Поучение было добавлено (когда – вопрос пока второстепенный) в текст, исходно его не содержащий.

Однако, даже соглашаясь с А.А. Шахматовым в том, что касается факта вставки, трудно признать указанные исследователем мотивы. Ученый считал, что

⁷ Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Шахматов А.А. История русского летописания. СПб., 2002. Т. 1. Кн. 1. С. 127–128; Он же. «Повесть временных лет» и ее источники // Тр. Ин-та рус. лит. АН СССР. Отд. др.-рус. лит. М.; Л., 1940. С. 104.

⁸ Неясно, в частности, на чем, кроме субъективной вкусовой оценки, основываются категорические утверждения исследователя об очевидной порче предшествующего Поучению известия о битве на Альте.

Поучение о казнях Божиих было создано Феодосием Печерским непосредственно «после поражения русских князей на Альте», а еще точнее – «во время сильного брожения, вызванного этим поражением в Киеве». Связь со столь славным именем, к тому же в контексте важных событий обеспечила сохранившейся проповеди печерского игумена большую мемориальную ценность, которая и подвигла последующих книжников включить сочинение в соответствующую летописную статью⁹. Между тем, Поучение не сопровождается ни указанием на авторство Феодосия, ни приличествующим случаем историческим комментарием. Такая «небрежность» в передаче обеих гипотетических причин интерполяции противоречит предложенной А.А. Шахматовым «антикварной» трактовке и склоняет задуматься об иных объяснениях вставки Поучения о казнях Божиих в статью 6576 г.

Обращает на себя внимание присутствие мотивов Поучения в других фрагментах летописного текста, а именно – в статьях 6532 (1024), 6600 (1092) и, что особенно важно, 6618 (1110) гг. В совокупности эти рассуждения образуют своеобразную историко-философскую конструкцию, иногда именуемую «теорией казней Божьих».

Под 6532 г. формулировки, близкие к формулировкам Поучения, обнаруживаются в словах князя Ярослава:

6576 г.

Наводитъ бо Богъ по грѣву своему иноплемьники на землю, и, тако скрушенимъ имъ, въспоманутся къ Богу. <...> Земли же согрѣшивше которѣи любо, казнить Богъ смъртью ли гладомъ, ли наведенье поганыхъ, ли ведромъ, ли гусѣницею, ли инѣми казньми (1: 167–168).

6532 г.

Слышавъ же Ярославъ волхвы, приде Суздалю, изъймавъ волхвы, расточи, а другими показани [так! — Д.Д.], рекъ сице: «Богъ наводитъ по грѣхомъ на куюждо землю гладомъ или моромъ, ли ведромъ, ли иною казнью, а человекѣи не вѣсть ничтоже». И, възвратився,

⁹ Он же. «Повесть временных лет» и ее источники. С. 109.

Под 6600 г. сходные мотивы представлены в комментариях уже самого летописца к серии известий о засухе, войнах и эпидемиях: «Се же бысть за грѣхы наша, яко умножишася грѣси наши [и] неправды. Се же наведе на ны Богъ, веля нам имѣти покаянье и въстягнутися от грѣха, и от зависти, и от прочихъ злыхъ дѣлъ неприязнень» (1: 215).

Наконец, статья 6618 г. и следующая за ней подробная запись 6619 (1111) г. посвящены не бедам и горестям, а, наоборот, радостному событию – победе русских войск над степняками. Как следствие, присутствие обсуждаемых мотивов в этой части летописи не было замечено одним из первых исследователей обсуждаемой «теории» – А.С. Орешниковым¹⁰. В.В. Мильков, в свою очередь, связывает значение статьи 6618 г. с рассуждениями книжника об ангелах, благодаря которым «теория казней» приобретает «более стройный и достаточно зрелый, с точки зрения христианского богословия, вид»¹¹. Между тем, богословские рассуждения, составляющие основной объем статьи 6618 г., содержат прямую отсылку к поражению русских войск от половцев, описанному под 6576 г.: «...яко и се бяше и на ны навель Богъ грѣхъ ради нашихъ иноплемьники поганья, и побѣжахуть ны повелѣньемъ Божьимъ» (2: 262–263). В свою очередь, рассказ о походе против кочевых соседей, помещенный

¹⁰ Орешников А.С. К истории Начального летописного свода: (О составителе и времени составления «Поучения о казнях Божиих») // Тр. Моск. гос. историко-архивн. ин-т. М., 1961. Т. 16. С. 481–487.

¹¹ Мильков В.В. Осмысление истории в Древней Руси. Изд. 2-е, исп. и доп. СПб., 2000. С. 41.

под следующим 6619 г., посвящен не только и не столько собственно ходу боевых действий, сколько описанию разного рода религиозных обрядов, совершавшихся князьями и их дружинниками по мере продвижения по вражеской территории (2: 266). Такое настойчивое подчеркивание набожности соплеменников создает примечательный контраст со словами о пустых церквях, венчающими соборы. Поучение о казнях Божиих: «...видим бо игрищи утолочена, и людии много множество [на них], яко упихати начнут друг друга, позоры дѣюще от бѣсн замышленаго дѣла, а церкви стоять. Егда же бываеи годъ молитвы, мало обрѣтаеся в церкви, да сего ради казни приемлемъ от Бога всячьскыя и нахоженне ратных по Божью повелѣнью, приемлем казнь грѣхн ради наших» (1: 170). Складывается впечатление, что летописец целенаправленно стремился убедить читателей в важности детального исполнения религиозных обрядов.

Данному предположению весьма способствует то обстоятельство, что признаки вставки несет на себе не только упомянутое выше Поучение о казнях Божиих из статьи 6576 г., но и рассказ 6532 г. о суждальских волхвах¹². Замечание 6600 г. не рушит структуру окружающего текста, но и не является в нем необходимым, будучи синтаксически полностью независимым. Наконец, богословские рассуждения из статьи 6618 г. также рассматриваются сегодня как интерполяция редактора, трудившегося около 1117 г.¹³. Очевидно, под пером этого книжника летопись пережила системную правку, затронувшую целый ряд летописных статей, включая и те, что повествовали о

¹² *Шахматов А.А.* Разыскания... С. 134.

¹³ *Гиппиус А.А.* К проблеме редакций Повести временных лет: II // *Славяноведение*. 2008. №2. С. 13–17.

событиях без малого столетней давности.

Мотивы (и, более того, абсолютная неизбежность) предполагаемых корректив становятся особенно понятны, если сопоставить реализацию «теории казней Божьих» в перечисленных выше статьях с тем, как схожий комплекс идей подается в сообщениях 6601 (1093) и 6604 (1096) гг., не несущих на себе столь явных признаков интерполяции, а наоборот тесно связанных с фрагментами, принадлежащими перу книжника, трудившегося над летописью еще до момента появления Повести временных лет, в конце XI в.

Сначала в статье 6601 г. дается вполне привычная трактовка «теории казней»: «Се бо на ны Богъ попусти поганым, не яко милуя ихъ, но насъ кажа, да быхомъ ся востягнули от злыхъ дѣлъ, симъ казнить ны нахоженьемъ поганых, се бо есть батогъ его, да негли, встягнувшеса, вспомянемъся от злаго пути своего» (1: 222). Этот фрагмент тесно перекликается с Поучением о казнях Божиих (в т.ч. на лексическом уровне, ср. в частности употребление редкого глагола *възтягнутися*), что уже привлекало заслуженное внимание специалистов¹⁴. Однако развитие мысли

¹⁴ *Timberlake A. Redactions of the Primary Chronicle // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 206.* Исследователь автоматически делает вывод о принадлежности обоих фрагментов одному автору, но не менее вероятно, что перед нами отсылка к тексту Поучения, текст которого составитель очередной статьи знал, поскольку оно действительно принадлежало перу кого-то из известных печерских подвижников и, соответственно, хранилось в Киево-Печерском монастыре. Примечательно в данном отношении еще и то, что слово-маркер *възтягнутися* использовано под 6601 г. в значениях «удержаться» (первое употребление) и «задержаться мыслью на чем-либо, остановиться» (второе), тогда как под 6576 г. используется значение «устремиться к чему-либо». Иначе говоря, в летописи представлены все три

оказывается несколько неожиданным, поскольку основной идеей становится уже не призыв к покаянию, а радость от того, что прегрешения народа уже искуплены, наподобие того, как первородный грех был искуплен крестным страданием Христа: «кажетъ бо ны добрѣ благыи Владыка, не по безаконью нашему створи нам, и по грѣхомъ нашимъ въздасть нам. Тмаи подобаетъ благому владыцѣ казати: не по множеству грѣховъ. Тако Господь сотвори нам: созда падшии въставить, Адамле преступленье прости, бани нетлѣнья дарова и свою кровь за ны изля. Якоже ны видѣ неправо пребывающа, нанесе намъ сущую рать и скорбь, да [и] не хотяще всяко в будущи вѣкъ обрящемъ милость, душа бо сдѣ казнима всяко милость в будущи вѣкъ обрящеть и лготу от мукъ, не мьстити бо Господь дважды о томъ». «О, неиздреченному человеколюбыю, якоже видѣ ны волею к нему обращающесе! – восклицает летописец – О, тмаи любви, еже к намъ! Понеже хотяще уклонихомся отъ заповѣдй его, се уже не хотяще терпим, се с нужею, и понеже неволею, се уже волею. Гдѣ бо бѣ у насъ умиленье, нонѣ же вся полна суть слезъ! Гдѣ бѣ в насъ въздыханье, ноне же плачь по всѣмъ улицемъ упостранися, избьеныхъ ради, иже избыша безаконныи половци!» (1: 224). Таким образом, в летописи

данного глагола, отмеченные в словарях (ср.: Словари древнерусского языка XI–XIV вв. М., 1989. Т. 2. С. 136) Маловероятно, чтобы один и тот же автор использовал относительно редкую лексическую единицу сразу во всех трех ее возможных значениях, особенно если учесть, что два из этих значений, по сути, противоположны третьему. Скорее перед нами результат механической инкорпорации Поучения в летопись, не сопровождавшейся «выравниванием» узусов. Но если дело обстояло именно так, то тем естественнее думать, что Поучение не принадлежало перу ни одного из летописцев и существовало само по себе.

появляется представление о возможности пассивного покаяния и спасения, не требующего активных действий. Несовместимость подобных взглядов с самой сущностью христианского учения едва ли нуждается в комментариях.

Под 6604 г. мысль о пассивном спасении возникает снова, на сей раз в форме утверждения о том, что участь людей на том свете симметрична их поведению на этом, которое, в свою очередь, предопределяется религиозной принадлежностью: «емлюще иконы, зажигаху двери и укаряху Бога и законъ нашъ. Богъ же терпяше, еще бо не скончались бяху грѣси ихъ и безаконья ихъ, тѣмъ глаголаху: “Кдѣ есть богъ ихъ, да поможетъ имъ и избавить я?” И ина словеса хулная глаголаху на святыхъ иконы, насмихающеса, не вѣдуще, яко Богъ кажетъ рабы своя напастми ратными, да явятся яко злато искушено в горну, хрестьяномъ бо многими скорбми и напастми внити в Царство Небесное, а симъ поганым и ругателем, на семь свѣтѣ примшимъ веселье и просторонство, а на ономъ свѣтѣ примуть муку с дьяволом, уготовании огню вѣчному» (1: 233). Снова получается, что не человек выбирает себе путь спасения, а Бог направляет избранных своих в нужную сторону, восполняя недостаток личного покаяния с помощью насылаемых свыше несчастий.

Присутствие в источнике подобных рассуждений не должно удивлять современного читателя. Напротив, определяя средневековую Русь как «православную», необходимо помнить, что «православие» (равно как и «католицизм» применительно к Западной Европе, да и в принципе любая религиозная категория) является в данном контексте не более чем условным «идеальным типом», внутри которого возможны самые разнообразные колебания.

С другой стороны, в общем случае богословские

«вольности» как минимум не приветствуются, и поэтому сомнительные эксперименты книжника конца XI в. должны были быть пусть и не ликвидированы (цитированные выше статьи 6601 и 6604 и представляют собой безусловные шедевры древнерусского словесного искусства, и просто выбросить их значило бы повредить литературному качеству повествования), но, во всяком случае, максимально нивелированы последовательным проведением более осторожной трактовки характеризуемых событий. Эту задачу вполне могла решать серия интерполяций, внесенных в летописный текст его редактором, работавшим около 1117 г.

Специфика летописи как формы исторической памяти такова, что богословская полемика между отдельными книжниками обречена оставаться имплицитной. Узкие рамки годовых статей и доминирование хронологического принципа расположения материала над содержательным почти не оставляют места для развернутого изложения взглядов на тот или иной аспект христианского вероучения. В то же время, имплицитность процесса вовсе не свидетельствует о его малом значении. Представляется, что догматические расхождения и даже проникновение в исторические сочинения неканонических идей были таким же действенным фактором эволюции текста древнерусских летописей, как и политическое противоборство.